

УДК 811.111'367.622'276.5(045)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-76-4-92-96

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА. ЗВУКОВОЙ АСПЕКТ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: m.poutrova@psu.by

Исследования последних лет показали, что носители разных языков концептуализируют окружающую действительность по-разному, что их картины мира не идентичны. Постулируется, что средства всех уровней языка участвуют в формировании языковой картины мира, однако в культурологических исследованиях, в учебниках по межкультурной коммуникации рассматриваются только лексические и, иногда, грамматические. Фонетическая, звуковая сторона языковой картины мира оказывается в тени. Между тем она значима в усвоении языка и новой картины мира не только в плане роли самих звукоподражательных слов, но и их многочисленных и весьма употребительных метафорических дериватов, образованных с их помощью разнообразных устоявшихся словосочетаний.

Ключевые слова: языковая картина мира, звуковой аспект, звукоизобразительность, метафорический перенос, основа концептуализации, культурная специфика.

Введение. Проблемы соотношения языка и культуры, как правило, освещаются с привлечением широко известных концепций лингвистической относительности и языковой картины мира. Обе эти концепции пытаются связать или определённым образом соотносить две относительно статические сущности: язык и мыслительный образ, на многочисленных примерах демонстрируя и тем самым убедительно показывая существование связи между языком и культурой. Раскрывая эту связь, многочисленные исследования, начиная с широко известных работ В. фон Гумбольдта и Э. Сепира, показали, что язык выступает в качестве руководящего начала в изучении культуры и что реальный мир неосознанно строится человеком на основе языковых предписаний того языкового сообщества, к которому он принадлежит.

Актуальность работ данного плана состоит в том, что они показывают и доказательно убеждают в реальности культурно-специфического представления действительности, раскрывают всё новые и новые особенности специфики мировидения на материале неисследованных ранее в культурологическом плане единиц языка и тем самым корректируют деятельность во многих сопредельных областях. В частности, они позволяют понять, как нужно усваивать язык другого народа, как облегчить процесс выстраивания конструктивного диалога с его представителями.

Основная часть. Многие исследователи внесли весомую лепту в изучение проблемы взаимосвязи языка и культуры. Широко известным вкладом Б. Уорфа в решение данной проблемы принято считать его достаточно революционное, согласующееся с теорией В. Гумбольдта понимание соотношения языка и картины мира. Одно из наиболее часто цитируемых в настоящее время толкований данного соотношения Б. Уорфом состоит в том, что структура любого языка содержит в себе основы структуры миропонимания пользующегося данным языком народа. А конечной целью лингвистического анализа, согласно его точке зрения, должно быть именно описание картины мира. «Каждый язык представляет собой огромную модель – систему, отличную от других, в которой существуют культурно-предписанные формы и категории, посредством которых личность не только общается, но также анализирует природу, замечает или игнорирует отношения и явления, направляет свои рассуждения и строит мир своего сознания» [1 с. 152].

Представленный подход Б. Уорфа хорошо соответствует тому вектору развития, который наука о языке получила во второй половине прошлого века, поставив в центр внимания человека, пользующегося языком, творящим его и, в свою очередь, одновременно, сотворяемым этим же самым языком. Антропоцентрический подход к изучению языка стал общепризнанным. Его девизом или важнейшим слоганом правомерно считать название получившей широкую известность книги Н.Д. Арутюновой «Язык и мир человека». Целый ряд исследователей убедительно показали, что носители разных языков не просто пользуются разными правилами организации высказываний, а что они, будучи представителями разных культур, имеют определенные особенности анализа, обобщения и систематизации реальности. Все языковые сообщества постигают мир через языковое сознание, однако у каждого из них оно свое [2, с. 193–194; 3, с. 113].

Исследователи, как правило, сходятся во мнении, что механизмы представления в языке сведений о мире охватывают все языковые средства, все уровни языковой системы. Вместе с тем, в значительном количестве работ по языкознанию и в подавляющем большинстве пособий и учебников по межкультурной коммуникации обсуждаются только лексические и иногда грамматические. В качестве типичного примера можно привести отрывок из рассуждений современного автора, очерчивающего необходимость изучения культуры в её связи с тем языком, в котором она развивается: «Национальная специфика языковой картины мира, – отмечает автор, – воплощается в лексике, в национальной фразеологии, а также в известной степени в грамматической структуре соответствующего языка, отражая национальный менталитет», и имеется огромное количество факторов, подтверждающих данное положение [4, с. 76]. В полном соответствии с приведённым теоретическим посылом описывается представление культуры в языковой картине мира в весьма аргументированных учебных пособиях для

студентов высших учебных заведений, подробно рассматривающих культурологическую специфику лексики, реже грамматики, иногда дискурса и даже некоторых речевых актов и совершенно упускающих из вида особенности звукового аспекта языковой картины мира.

Такая ситуация, возможно, возникла под влиянием широко известного постулата Ф. Соссюра о немотивированности языкового знака и выводов недостаточно глубоко понятого в последнее время Ч. Пирса о том, что будущее семантических систем и языка в частности соотносится именно с символами, то есть с немотивированными знаками. Так или иначе, но, по справедливому замечанию видного исследователя в области звукового символизма С.В. Воронина, в русскоязычном языкознании работы, изучающие фонетически мотивированную связь между формой слова и его значением, длительное время рассматривались как «лежащие вне науки» [5, с. 166]. Начиная с 60-х гг. XX в., однако, наметилась тенденция к глубокому изучению звукоизобразительного аспекта языка. В 1970-е – 80-е гг. возникает даже новое направление в русскоязычном языкознании – фоносемантика, объектом которой является именно закономерная, произвольная, фонетически мотивированная связь между звучанием и семантикой языковых единиц [5, с. 166]. Данное направление несмотря на свою новизну имеет глубокие исторические корни, ибо внимание к звуковому аспекту языка возникло ещё в далёкой древности. Античные исследователи, как известно, придавали ему исключительное значение, даже воспринимали звучание как сущность, которая может помочь понять, каким образом человек создавал свой язык.

В настоящее время вопросы звукоизобразительных возможностей единиц языка, в основном, суммируются с привлечением теории иконичности.

Основные дефиниции сущности иконизма соотносятся с широко известной теорией Ч. Пирса и её развитием в трудах Ч. Морриса. Чаще всего иконичность определяется как сходство между означающим и означаемым знака во всех его проявлениях. Как правило, акцентируется вывод Ч. Пирса, что будущее за символами, не иконами, из чего, опять-таки, следует повышенное внимание именно к конвенциональным знакам, а тем, которые ярко демонстрируют свою звукоподражательную сущность, отводится маргинальная роль, подчёркивается их немногочисленность и сугубо специфическая семантика. Сторонниками такого подхода были видные представители своего времени: Аристотель, Д. Локк, У.Д. Уитни, Ф. Соссюр и даже ранний Э. Сэпир и Н. Хомский. Представляемая ими точка зрения восходит к дискуссиям античных философов о происхождении имён – «от природы» или «по установлению». Сторонниками теории «от природы», помимо стоиков, были Платон. Г.В. Лейбниц, М.В. Ломоносов, Ж. Ж. Руссо, В. Гумбольдт, поздний Э. Сепир, Д. Л. Болинджер, Р. Якобсон, а также представители современного фоносемантического направления в лингвистике С.В. Воронин, А.Б. Михалёв, В.В. Левицкий, С.С. Шляхова и целый ряд глубоких, вдумчивых философов и лингвистов А.Ф. Лосев, П. Гиро, М.М. Маковский. Р. Якобсон, в частности, разъяснил, дополнил и развил деление знаков на группы, предложенное Ч. Пирсом. В интерпретации многих, знаки у Ч. Пирса – иконы, индексы и символы – существуют как отдельные несмешиваемые классы знаков. Р. Якобсон убедительно показал, что в реальности знаки разных групп имеют зачастую общие черты, их различие состоит лишь в определённом преобладании одной какой-то характеристики в них [6]. Иконичность и индексальность оказываются сопутствующей чертой символов. Любопытно, что П. Гиро предполагал первичность звукоподражательной семантики морфем по отношению к другим значениям, входящим в их состав. Многочисленные исследования в области фоносемантики подтверждают мысль П. Гиро [7–9]. Изначальная звукоизбирательность, звукоизобразительная мотивированность знака, таким образом, является его основополагающей характеристикой и тем самым серьёзным образом связана с интерпретацией сущности понятия языковой картины мира.

Весьма существенно, что иконичность, лежащая в основе звукоподражания, имеет культурную специфику. В качестве примера можно привести английское наименование *flap* и его русские (*хлоп, шлёп, плюх*) и белорусские эквиваленты (*ляп, лясь, плясь*). Одна и та же сущность слышалась представителям названных культур несколько иначе, однако и общие черты, как видим, налицо.

Различия, к тому же, соотносятся не только с самими звукоподражательными наименованиями, но и с теми метафорическими дериватами, то есть обозначениями новых сущностей с помощью звукоподражательных единиц. Так, в английской культуре приведённая номинация *flap* используется для обозначения отворотов, например, *ушей* шапки. Любопытно, что русское наименование *уши* (ушанки) также иконично, но не в звуковом, а в визуальном плане, то есть основано на визуальном сходстве. Эта же номинация используется в английской культуре и для обозначения сущностей, совсем по-другому представленных в русской и белорусской культурах. Так, *flap* – это и *творка, ставня, и откидная доска стола (desk with a flap), и дверца люка, и пощёчина (a flap in the face), и паника, замешательство, смятение (They are in a flap), и клапан (кармана), и пола (одежды)*. А в американском сленге это ещё и *попойка, и драка между уличными шайками подростков, и ошибка, провал, нечто подобное русскому сел в лужу (in a flap)*. Слово *flap*, таким образом, оказывается востребованным в весьма широком перечне достаточно частотных ситуаций, внося весомый вклад в звуковую организацию использующих его языковых единиц.

Или возьмём в качестве примера широко известное английское слово *cuckoo*, явно звукоподражательное, и в качестве такового, казалось бы, маркирующего звуковой аспект языковой картины мира только за счёт особенностей своей фонетической организации: сегментной, слоговой, акцентной. Но в английской культуре оно обозначает не только кукушку и кукование, но ещё и имеет значение *глупец, разиня*. И *небольшой паровозик (a small steam locomotive)*. Метафорические переносы, как видим, расцвечивают картину мира характерным для

данного слова звучанием совершенно в неожиданных местах для представителей других культур. А ведь метафорические переносы совсем не маргинальны в эволюции языка, в изучении процесса когниции и становления языковой картины мира. И, как видим, задействованными могут быть не только «общий семантический компонент двух сравниваемых объектов», а сложные формы взаимопроникновения разных сфер, в том числе, слуховых (звучание), визуальных, художественных (artistic), эстетических, интеллектуальных.

Как показывает Р. Якобсон на примере английского языка, новообразования типа *slithy* (скользкий) в переносном смысле, образованное от *slimy* (скользкий; подобострастный) и *lithe* (гибкий, сговорчивый), далеко не единичны. В английском языке достаточно легко выделяются многочисленные виды смещений и контаминированных форм, скрывающих взаимные сцепления простых слов, что, очевидным образом, приводит к тесному взаимодействию означающих и означаемых данных слов и, добавим мы, в конечном итоге, к определённой упорядочиванию звукового аспекта языковой картины мира [6, с. 122].

В соответствии с данными Д.Л. Болинджера, Р. Якобсона и многих других исследователей полное имитирование звучания – только частный случай. Для передачи того, как некая реальность звучит в душе именуемого её субъекта, огромную важность имеет а) взаимодействие между звуком и значением и б) объединение слов, имеющих похожие значения в соединении с похожими звуками, независимо от происхождения таких группировок. В качестве примера Р. Якобсон приводит следующую группировку: *bash* (ударять), *mash* (разваливать), *smash* (разбивать вдребезги), *crash* (рушится с грохотом), *dash* (швырнуть), *lash* (хлестнуть), *hash* (рубить), *rash* (бросаться), *brash* (ломать), *clash* (сталкивать), *trash* (отбросы), *plash* (плескаться, плавать), *splash* (брызгать), *flash* (мелькнуть). Такие слова смыкаются со звукоподражательными словами. Для их синхронного анализа генетические вопросы совершенно несущественны [6, с. 121–122]. Р. Якобсон отмечает, что смысловое сближение фонетически сходных слов не зависит от их этимологической связанности, оно играет значительную роль в жизни языка и неизбежно отражается в особенностях звуковой составляющей языковой картины мира. В качестве примера Р. Якобсон приводит русскую пословицу *сила соломѣ ломит*, где «связь между сказуемым *ломит* и дополнением *соломѣ* подчёркивается тем, что корень *лом-* – созвучен с корнем *солом-*, а фонема /л/ в соседстве с ударной гласной объединяет все три члена высказывания». Оба гласных подлежащего *сила* повторены, что синтезирует фонемную отделку начального и конечного слов предложения [6, с. 122].

Представленные примеры побуждают задуматься о правомерности немотивированного подхода к формированию знаков языковой системы и значимости звуковой составляющей языковой картины мира. Неслучайно работы в области когнитологии, изучающие особенности категоризации действительности человеческим сознанием, ещё в прошлом веке подняли вопрос о значимости генетической звукоизбирательности в формировании языка [7–9], о генетически первичном слое языковой картины мира – фонетическом или звукоизобразительном [10, с. 134]. Предпринимаются даже попытки восстановить протоязыковую модель мира, руководствуясь постулатом о генетической звукоизобразительности языка.

В настоящем исследовании мы предприняли попытку проанализировать наименования собак, встречающихся в наших достаточно обширных записях подлинного говорения в английской, американской, белорусской и русской культурах, состоящих из 40 000 слов в каждой из них. Оказалось, что в англоговорящих культурах зарегистрировано 5 наименований: *Barker, Moppy, Yelper, Woofers, Yelly*. В русской – *Жучка, Лайка*, в белорусской – *Бак*. Правомерно заметить, что записи производились для получения образцов подлинного говорения, и реализация в них наименований собак совершенно не была специальной целью. Тем не менее, они оказались зарегистрированными. Примечательно, что все они могут быть квалифицированы как иконические, только по разным признакам: *Моппи* и *Жучка*, главным образом, – по визуальному, все остальные – по звуковому. Не менее примечательно и то, что, как объяснил хозяин белорусского пса в уточняющей беседе, полное наименование его собаки – Бакер, но вариант «Бак» лучше отражает свойственный ему густой, мощный лай, поэтому его стали называть Баком. Как видим, заимствованное наименование остаётся звукоизобразительным и адекватно интерпретированным и в белорусской, чужой, казалось бы, для обсуждаемого имени культуре.

Количественные показатели встречаемости наименований собак как будто подтверждают известную особенность британской культуры, отличающейся своей любовью к животным, особенно собакам. Однако, они, то есть данные, настолько минимальны, что не позволяют сделать достоверных выводов. А вот то, что звукоподражание продолжает оставаться активным способом означивания, они всё-таки показывают. Небольшой, даже микроскопический фрагмент языковой картины мира в каждой из сопоставляемых культур оказывается явно мотивированным, обусловленным тем, как языковые личности слышали определённые реалии мира, в нашем случае – собак.

Данный фрагмент становится значительно более расширенным, если мы обратим внимание не только на такие явно звукоподражательные слова, как *to bark* (англ.), *лаять, гавкать* (рус.), *гаўкаць, брахаць* (бел.) в их прямом значении, но и на дериваты, возникшие на их основе. Так, в наших записях только на английском и американском языках встречаются следующие высказывания.

1. The boss *barked* “Attention” and we were all silent (Am).
2. Well, now, *barking up the wrong tree* again! (Am).
3. You can’t *bark* at the children like that (Am).
4. The engine *barked* and went dead. Completely (Br).
5. But you know he ...well, OK, his *bark*, well it is worse than his bite you know (Br).

6. You needn't be *barking*, I can hear you quite well (Br).

7. ... he *barked* the answer (Br).

Русские эквиваленты выделенным фрагментам, по всей видимости, являются следующие:

1. Прогремел или даже рывкнул.

2. Опять не так!

3. Не повышай голоса.

4. Рывкнул или «чихнул».

5. Его грубости (то, как он говорит).

6. Не ори.

7. ... резко ответил он.

Как видим, во многих случаях (1, 4, 6, 7) приходится прибегать к явно звукоизобразительной лексике в поисках эквивалентов записанных нами высказываний. Так чаще всего вербализуются в соответствии с русской языковой картиной мира заявленные в английских эквивалентах ситуации. Вместе с тем, русские эквиваленты, будучи звукоизобразительными (*прогремел, рывкнул, чихнул, не ори*) отличаются от соответствующих звукоизобразительных эквивалентов в английской и американской культурах, ибо в них отсутствует референция именно к собаке лаю. Представляется, что данная особенность концептуализации и кодирования реальности в английской и американской культурах весьма красноречиво, не хуже, чем количественные показатели, говорит об отношении к собакам в данных культурах. Кроме того, она позволяет сделать вывод о культурной специфике звукоизобразительной линии в сопоставляемых языковых картинах мира в тех их фрагментах, которые таким образом отражают обсуждаемые сущности.

В. фон Гумбольдт был первым, кто не просто весьма убедительно показал, что разные культуры концептуализируют реальность по-разному, выделяют в ней значимые для обсуждения и обдумывания сущности по-своему. Он был так же первым, кто постулировал новое представление о языке как о мире, существующем между языковой личностью и окружающим её реальным миром. Более того, он однозначно заявил о первостепенной значимости и обязательности усвоения культурной специфики видения мира для каждого, кто ставит своей целью изучение иностранных языков и использование их в своей деятельности. «Каждый язык очерчивает границу вокруг людей, которым он принадлежит... Изучение иностранного языка должно быть освоением новой точки отсчета в предыдущем превалирующем глобальном миропонимании индивида. Но это освоение никогда не является законченным, поскольку индивид всегда привносит в иностранный язык большую или меньшую долю своей собственной точки зрения – на самом деле свою собственную лингвистическую модель» [11, с. 370]. Приведенный фрагмент сформулирован автором в далеком теперь 1836 г. В нем в сжатом виде представлены многие актуальные проблемы современной межкультурной коммуникации, происходящие от игнорирования или непонимания того, что любой иностранный язык не просто является важнейшим фактором реализации и создания соответствующей ему культуры, но что он есть другой мир, который следует тщательным образом изучать именно в его специфике отражения реальности, глубоко понять особенности его существования, а затем обязательно преодолеть неизбежное влияние собственного мироощущения, нивелировать желание следовать только своей картине мира при общении на иностранном языке. В данном нивелировании огромную роль играет освоение звуковой линии языковой картины мира изучаемой культуры. Иначе, будучи самой древней, первичной, по утверждению многих лингвистов прошлого и настоящего, линией семантизации и кодирования реальности, звуковая составляющая языковой картины мира родной культуры полностью заполнит пространство иностранного, привнося в него другие, чуждые закономерности организации звука, а ведь, в сущности, язык и есть именно организованный звук, в том числе и по правилам звукоизобразительности.

Заключение. Таким образом, исследование звукового аспекта представления культуры в языковой картине мира позволяет сделать следующие выводы:

1. Звукоизобразительность – важнейший принцип формирования звуковой линии языковой картины мира.

2. Звукоизобразительность, лежащая в основе конструирования звукоподражательных единиц языка, остаётся во всех тех метафорических переносах, которые претерпевает данная единица в своём развитии, маркирует образованные с её участием устоявшиеся словосочетания, способствуя формированию культурно-специфической языковой линии языковой картины мира.

3. Данная специфика – важнейший объект внимания при изучении иностранных языков и поиске путей конструктивного диалога с носителями этих языков. Ибо отмеченные различия являют собой не только особые трудности в усвоении другого языка, как это обычно представляется. На самом деле они весьма притягательны. Ведь представители разных культур привлекают друг друга в том числе и своими отличиями, особенностями организации своей жизнедеятельности в целом и языка в частности. Постигание сущности таких различий является важнейшим условием получения удовольствия от текстов на изучаемом языке, от возможности глубокого постижения услышанного или прочитанного, от расширения собственных горизонтов и лучшего понимания значимых характеристик не только изучаемого, но и своего родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Whorf B. L. Language, Thought and Reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf / Cambridge. – MA: MITPress, 1956. – 370 p.

2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Универсум, 1993. – 656 с.
3. Путрова М.Д. Гендерные стереотипы формирования языковой картины мира // Коммуникативные стратегии: сб. материалов VII Междунар. науч. конф. / Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск: МГЛУ, 2015. – С. 111–113.
4. Лейчик В.М. Реальное и виртуальное в понятии «диалог культур» // Вестник Московского университета, Сер. 19. – 2001. – № 3. – С. 73–80.
5. Воронин С.В. Звукосимволизм // Лингв. энцикл. слов. / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 165–166.
6. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика / сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – С. 111–128.
7. Михалёв А.Б. Проблема категоризации (фоносемантический ракурс) // Problems of General Germanic and Slavic Linguistics. Papers for 70th Anniversary of Prof. V. Levickij. – Chernivtsi: Books –XXI, 2008. – P. 163–170.
8. Rosch E. Natural Categories // Cognitive Psychology. – 1973. – № 4. – P. 328–350.
9. Rosch E. Structural bases of typicality effects // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. – 1976. – № 2. – С. 491–502.
10. Михалёв А.Б. Фоносемантика и языковая картина мира // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. – Вып. 15. – С. 133–140.
11. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс. 2001. – 400 с.

Поступила 13.05.2025

REPRESENTING CULTURE IN A LANGUAGE WORLD VIEW. THE PHONETIC (SOUND) ASPECT

M. POUTROVA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

Numerous research has proved convincingly that users of different languages cut reality in a different way. Linguistic means of all levels are believed to be involved in the creation of any language world view. Yet, textbooks on cross-cultural communication and cultural studies consider mainly lexical and sometimes fragmentarily grammatical aspects of culturally specific language world views, completely leaving out their phonetic or sound constituents. Meanwhile the latter play an important role in both Language learning and acquisition of a new Language world view, coming up not only as imitation or onomatopoeic words but also as their numerous metaphoric derivatives and as constituents of various collocations and colligations.

Keywords: *language world view, phonetic aspect, onomatopoeia, metaphoric transfer, conceptualization basis, cultural specialty.*